

EMMANUEL FUREIX

L'ŒIL BLESSÉ

POLITIQUES DE L'ICONOCLASME
APRÈS LA RÉVOLUTION FRANÇAISE

CHAMP
VALLON

2019

ЭММАНЮЭЛЬ ФЮРЕКС

ОСКОРБЛЕННЫЙ ВЗОР

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИКОНОБОРЧЕСТВО
ПОСЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА

2022

УДК 930.85(44) «1814/1871»
ББК 63.3(4Фра)52-7
Ф99

Редактор серии Л. Оборин

Фюрекс, Э.

Ф99 Оскорбленный взор. Политическое иконоборчество после Французской революции / Эмманюэль Фюрекс; пер. с фр. В. Мильчиной. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 624 с.: ил. (Серия «Культура повседневности»)

ISBN 978-5-4448-1805-3

Один из неразрешимых вопросов, который постоянно вызывает ожесточенные дискуссии, — что делать с памятниками «неоднозначным» историческим личностям? Сносить? убирать с глаз долой? оставлять на прежних местах? Участники подобных споров нередко ссылаются на пример Франции, причем французов берут в союзники и те, кто выступает за сохранение одиозных памятников, и те, кто с этим не согласен. Как в реальности обстояло дело во Франции XIX века с памятниками, помогает узнать книга современного французского историка Эмманюэля Фюрекса. Она посвящена политическому иконоборчеству, то есть борьбе с политическими знаками и эмблемами, которую сам автор называет «альтернативным способом заниматься политикой». Период, исследуемый в книге, — от низвержения статуи Наполеона с вершины Вандомской колонны в 1814 году до сноса самой Вандомской колонны в году 1871-м. Однако книга рассказывает не только о борьбе, но и о том, каковы были эти политические знаки: флаги, перевязи, кокарды, статуи и бюсты, цветы, домашние животные, монеты, печати и штемпели, бритвы, ножи, игральные карты, табакерки, веера, рукоятки тростей, формы для вафель, этикетки для ликеров и духов, мыло, конфеты, пряники и многое другое. Все рисковало оскорбить чей-то бдительный взор и превратить политическую семиотику в семиотическую паранюю. Все было значимо, все могло стать и становилось аргументом и мишенью в политической борьбе.

УДК 930.85(44) «1814/1871»
ББК 63.3(4Фра)52-7

В оформлении обложки использована анонимная иллюстрация из газеты «Сын папаши Дюшена» от 14 мая 1871 года «Гражданин Курбе сносит с чертовой матери любые парижские колонны»

© 2019, Editions Champ Vallon, 01350 Ceyzérieu, France

© В. А. Мильчина, перевод с французского, 2022

© С. Тихонов, дизайн обложки, 2022

© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика	8
Введение	22
Глава первая. Власть знаков и изображений	43
1. <i>Визуальный образ власти</i>	45
Портрет государя: распространение, тиражирование, выставление напоказ	46
Флаги, перевязи, кокарды: цвета власти	72
Отпечатки власти	81
2. <i>Гражданские семафоры: разметить (и разделить) общественное пространство</i>	96
Деревья свободы против миссионерских крестов	98
Статуи великих людей, искупительные памятники и могилы: тотемы или табу?	106
3. <i>Политические знаки и «личные фасады»</i>	116
Одежда: политические цвета и аксессуары	118
Язык растений	128
Животные демонстративные и искупительные	134
Предметы-фетиши	140
4. <i>Интерпретация знаков: уличающие взгляды</i>	150
Интерпретация творящейся истории	152
Интерпретация убеждений: недостижимая прозрачность знаков	158
Интерпретация возмутительного	164
5. <i>Витальность знаков и изображений</i>	171
Народный язык и олицетворение политики	172
Реальное присутствие образа?	178
Сакральность и идолопоклонство	186
Пережитки: вера в магическую силу знаков в первой половине XIX века	201

Глава вторая. Знаки в беспорядке: 1814–1830	209
1. <i>Деструктивная пауза: игра с властью (1814–1815)</i>	213
Иконоборчество и режим неопределенности	213
Власть, действующая против самой себя:	
Париж, 31 марта — 8 апреля 1814 года	219
Катарсис или мимесис? Марсель, 1814–1815	226
Символическая революция в деревне: Гравезон (департамент Буш-дю-Рон), 6 апреля 1815 года	236
2. <i>Очистить публичное пространство от Наполеона и от Революции (1814–1816)</i>	241
Иконоборчество: взгляд сверху	243
Взор контрреволюции	248
Вторгаться в частное пространство, преследовать врагов: иконаборческий террор?	270
Искупительные костры: иконоборческие аутодафе	280
3. <i>Разбивать идолов, раздроблять общественное пространство: мятежное иконоборчество (1814–1830)</i>	296
Панорамный обзор	297
Юридическое оформление политического преступления	302
Сецессия	314
Военная демобилизация и политическое инакомыслие	319
Остановить контрреволюцию	328
Отношения между людьми: бросить вызов, защитить честь, повести себя по-мужски.	334
Осмеяние, мир наизнанку, выпускание пара: к вопросу о «карнавальности»	342
Иконоборчество в монетной сфере: анатомия фрондирующего жеста	352
Глава третья. Иконоборчество и революции, 1830–1871	364
1. <i>Вступительные сцены и революционный миметизм</i>	365
Разметка мятежного пространства и слом времени	366
Участь изображений: «ритуальные грабежи» и карательное правосудие (Париж, 1830–1871)	382
Иконоборческий протагонизм и образный фонд иконоборцев: сожженный трон	415
Париж/провинция: отголоски иконоборчества	428

2. Иконоборчество, обновление, обсуждение	451
Демократия взора?	451
Пороги терпимости: слова и аргументы иконоборцев	453
Гражданская бдительность: взор гражданина	469
Хирургическая точность: иконоборчество и iconoclash	478
3. Иконоборческие циклы и разрывы	488
Избавиться от политической теологии (1830–1831)	488
Иконоборческая перезарядка и умиротворение эмоций (1831–1832)	502
Иконоборческое сопротивление и борьба за власть над гражданским пространством (1830-е годы)	514
Иконоборчество в малом масштабе (1848)?	525
Иконоборчество на службе у охраны общественного порядка (1849–1852)	534
Оживление и кризис иконоборчества (1870–1871)	546
Снос Вандомской колонны: освобожденное пространство?	565
Иконоборчество в храмах: разоблачение, выпускание пара, апроприация (1871)	580
Заключение	594
Список иллюстраций	602
Избранная библиография	604
Указатель имен	612

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Один из неразрешимых вопросов, который постоянно вызывает ожесточенные дискуссии, — что делать с памятниками «неоднозначным» историческим личностям. Сносить? убирать с глаз долой? оставлять на прежних местах? К единому мнению прийти практически невозможно. И вот всякий раз, когда этот спор разгорается вновь, кто-то из его участников неизбежно поминает Францию. Одни говорят: вот вы рушите памятники, а во Франции все сохраняют, включая памятник Робеспьеру¹. Другие, наоборот, восклицают: вот вы все сохраняете, а во Франции рушили и рушат. Таким образом, французские примеры используются для подтверждения двух противоположных точек зрения, причем нередко и те и другие аргументы приводят люди, которые французскую историю толком не изучали и памятников, о которых говорят, лично не видели. Тут впору вспомнить ироническое замечание Жванецкого: «Давайте спорить о вкусе устриц и кокосовых орехов с теми, кто их ел».

Достоверные сведения о том, как обстояло дело во Франции в XIX веке с памятниками, портретами государей

¹ Хотя памятника Робеспьеру во Франции нет вовсе, а есть только бюсты в мэрии его родного города Арраса и в Сен-Дени под Парижем, единственная же статуя Робеспьера находится внутри Пантеона, причем это не отдельное изваяние, а составная часть многофигурного памятника Конвенту.

и многими другими эмблемами власти, читатель может почерпнуть из книги Эмманюэля Фюрекса.

Для начала скажу несколько слов о нем самом. Эмманюэль Фюрекс родился в 1971 году. Он окончил Высшую нормальную школу и с 2004 года преподает историю Нового времени в Университете Париж—Восток—Кретей. В 2003 году под руководством Алена Корбена, одного из основоположников исследований повседневности во Франции, Фюрекс защитил диссертацию на тему «Смерть и политика в Париже при цензитарных монархиях: мизансцены, культы, конфликты, 1814–1835», которая легла в основу его монографии «Франция в слезах: политический траур в романтическую эпоху, 1814–1840» (2009). Уже в этой первой монографии Фюрекс избрал тот ракурс исследования, которому остался верен и в книге о политическом иконоборчестве. Сам он пишет, что изучает «альтернативные способы заниматься политикой» (с. 38); можно было бы также назвать объект его внимания «идеологизированным бытом». Политическое иконоборчество Фюрекс исследует уже несколько лет: в 2014 году под его редакцией вышел сборник статей разных авторов «Иконоборчество и революции с 1789 года до наших дней»¹, на который он не однажды ссылается в своей книге.

«Оскорбленный взор» полон колоритнейших эпизодов.

В разделе о распространении портретов государей на самых разнообразных носителях приводится среди прочих такой пример:

Нередко приходилось мастерить правителей из подручного материала: так, в шалонской Школе художеств и ремесел накануне приезда Луи-Филиппа в 1831 году обнаружили, что нужного

¹ Iconoclasme et révolutions, de 1789 à nos jours / E. Fureix dir. Célyzérieu: Champ Vallon, 2014.

бюста не найти, и наскоро сотворили нового короля из старого, прибавив недавно свергнутому Карлу X кок и бакенбарды! (с. 53).

Еще более пикантный подарок получил этот самый свергнутый Карл X задолго до изгнания и даже до восшествия на престол, в ту пору, когда он именовался графом д'Артуа:

В 1814 году рабочие марсельской мыловаренной фабрики на полном серьезе поднесли графу д'Артуа кусок мыла с портретом его брата, короля Людовика XVIII, и с поразительной надписью, в которой политические мотивы (искупление прошлых грехов) смешались с гигиеническими: «Смывает все пятна»! (с. 60).

И это не единичный случай: «Производство мыла с изображениями монархов или политиков продолжалось в течение всего XIX века» (с. 60).

Между тем ситуация с мылом — сравнительно невинная. Бывало и хуже:

В эпоху, когда власти начали наводить порядок в борделях и туда регулярно наведывались комиссары полиции, некоторые владельцы этих заведений, стремясь улучшить свою репутацию, сочли за лучшее вывесить у себя портреты государя. Меж тем дела, речи и жесты в подобных заведениях далеки от пристойности, и это нередко провоцирует на иконоборческие поступки, засвидетельствованные в полицейских и судебных архивах. При Второй империи гравированный портрет императорского семейства украшает фасад камина в лиможском доме терпимости. Проститутки обслуживают клиентов под пристальным взглядом Наполеона III... В 1859 году два клиента, чего-то не поделившие со жрицей любви, принимаются бранить портрет императора и даже раздражают его на части. Один из них, работник фарфоровой мастерской, обращается к только что порванному портрету со следующими

словами: «Мне на него начхать, попадись он мне собственной персоной, я бы сделал с ним то же, что с его портретом». В эпоху Реставрации похожая сцена произошла в Ла-Рошели: отставной капитан осыпал «грязными словами» установленный в борделе бюст герцогини Ангулемской, дочери Людовика XVI, а затем пририсовал ему усы, использовал его как подставку для подсвечника и угрожал вообще разбить (с. 68–69).

Другой источник скандалов — несоответствие политических знаков изменившемуся политическому режиму. В 1815 году Бурбоны во второй раз, и уже окончательно, свергли Наполеона, и на смену наполеоновским орлам вновь должны прийти королевские лилии, но промышленность не поспевает за политикой:

В Лионе в первой половине августа 1815 года жандармы выходят на улицу в мундирах, на которых — за отсутствием новых пуговиц с лилиями — по-прежнему красуются пуговицы с орлами, и разъяренные ультрароялисты набрасываются на них, нарушая таким образом общественный порядок; в результате жандармам предписывают оставаться в казарме вплоть до присылки правильных пуговиц с лилиями (с. 128).

В этом случае бдительность проявляют обычные граждане; но не менее бдительно, разумеется, ведут себя представители власти, они тоже постоянно готовы почувствовать себя оскорбленными, и дело иногда доходит до настоящей паранойи:

Показательный пример: в 1822 году полицейский комиссар конфискует на ярмарке в Куси (департамент Эна) «возмутительные» рукоятки ножей; ему показалось, что на них изображено лицо Людовика XVI, а гвоздик нарочно вбит «прямо в шею злополучного

государя, дабы напомнить о роде его смерти». Больше того, на рукоятках обнаружился мартиролог всего августейшего семейства: изображение герцога Беррийского было подобным же образом осквернено гвоздем, вбитым на уровне груди, а изображение герцога Энгиенского — на уровне головы. Судебное следствие пришло к выводу, что в данном случае для иконоборческой тревоги не было ни малейшей причины: на рукоятках не нашли никаких изображений, а гвозди были вбиты без всякой злокозненности; иначе говоря, имел место семиотический бред... (с. 167–168).

В кризисные эпохи политизируется все, включая животных:

В марте 1815 года при известии о «прилете Орла» (возвращении императора) один ветеран наполеоновских кампаний принимается расхаживать по улицам Тулузы в обществе собаки с крестом Святого Людовика на хвосте; несколькими неделями позже сцена повторяется в Драгиньяне, только теперь на хвосте красуются лилия и белая кокарда; а в Мюлузе заводчики в знак раскаяния привязывают «к гривам и хвостам лошадей кресты Святого Людовика, которыми наградили их самих». В начале Второй реставрации в Париже в квартале Сен-Марсо из одного кабака в другой вводят свинью с лилией на хвосте, а в это время фрондеры-бонапартисты иронически пьют за здоровье «толстого папаши» [Людовика XVIII, которого часто уподобляли свинье]. <...> в Сен-Жилле (департамент Гар) служанка-роялистка, вдова Гине, разгуливает по городу с белой кокардой на голове, а своему псу, которого именует «бонапартистом», нацепляет кокарду красную и тем самым разыгрывает поединок с собственным домашним животным. Комментирует она это следующим образом: «Я-то роялистка и ношу белую, а вот пес мой, чертов бонапартист, разбойник, красную напялил; но как придем домой, я ему голову отрублю, вот бы и всех бонапартистов туда же». В октябре 1830 года в том же департаменте Гар, в деревне Сен-Кантен-ла-Потери легитимисты,

желая высмеять революционные цвета, которые новая власть сделала государственными, прогуливают по улицам осла с трехцветными кокардами в ушах и носу (с. 137–138).

Подобных примеров, почерпнутых в основном из муниципальных и департаментских архивов, в книге огромное количество. Но глубоко ошибочно было бы считать, что «Оскорбленный взор» — просто сборник анекдотов.

Нет, это умное и продуманное исследование, автор которого приводит многочисленные случаи охоты на политические знаки не ради колоритной экзотики, а ради того, чтобы показать, насколько распространенным и разнообразным было во Франции XIX века то явление, которое он называет политическим иконоборчеством, и предложить в результате его классификацию и «грамматику».

При слове «иконаборчество» в голову прежде всего приходят, разумеется, византийцы VIII–IX веков, а также деятели Реформации и многие другие верующие, которые осуждали и запрещали поклонение иконам, считая его идолопоклонством. Однако в современной культуре иконоборчество уже давно трактуется шире — как борьба против произведений искусства, в частности для выражения собственной политической позиции. Фюрекса интересует именно это последнее, политическое иконоборчество, каким оно существовало во Франции с 1814-го по 1871 год, в период между низвержением статуи Наполеона с вершины Вандомской колонны и сносом самой Вандомской колонны. Но книга его безусловно шире, чем рассказ о *борьбе* со знаками. Вся ее первая глава посвящена номенклатуре тех политических знаков, против которых выступали французские иконоборцы.

Номенклатура эта чрезвычайно богата. XIX век был, так сказать, периодом повышенной семиотической чувствительности, когда значимо становилось все: флаги, перевязи,

кокарды, статуи и бюсты, цветы в петлице или в руке, домашние животные, изображения на монетах, печатах и штемпелях, мелкие предметы повседневного обихода: «бритвы, ножи, настольные игры, игральные карты, полотенца, фигурные трубки, табакерки, медальоны, женские украшения, брошки и брелоки, веера, рукоятки тростей, стаканы, расписные тарелки, вазы, стеклышки волшебных фонарей, формы для вафель, этикетки для ликеров и духов, мыло, конфеты, пряники и гостии», украшавшиеся «картинками, эмблемами, надписями и портретами с более или менее явным политическим смыслом» (с. 140). Все перечисленное извещало понимающих зрителей о политической ориентации «контрагентов». А понимающими были все; можно сказать, что в рассматриваемый период все французы интуитивно, еще не зная этого термина, пу-скали в ход «уликовую парадигму», описанную в классической статье Карло Гинзбурга (на которую Фюрекс, разумеется, ссылается). Но поскольку речь идет о политических знаках, «улики» указывали не на черты характера и даже не на социальное положение, а исключительно на политические убеждения. Все было значимо. Все могло служить источником информации (в первой половине века, когда официальная информация распространялась очень медленно, жители провинции узнавали о перемене власти в столице по тем флагам, которые украшали прибывшую из Парижа почтовую карету). Все могло стать аргументом и/или мишенью в политической борьбе.

Политическое иконоборчество — это «опыт рукопашной схватки с властью, ритуал осквернения, разоблачения магии знаков» (с. 28). Борьба обостряется в моменты революций, сломов, смены власти — смены, которая сопровождается, ускоряется, утверждается охотой на одни политические знаки и заменой их другими. А революций и изменений

политического режима во Франции в XIX веке было очень много. В 1814 году после свержения Наполеона началась Первая реставрация, в марте 1815 года с возвращением Наполеона с Эльбы наступили Сто дней его нового правления, после чего его свергли вторично и в июле 1815 года наступила Вторая реставрация, которой положила конец Июльская революция 1830 года. Июльская монархия продлилась до 1848 года, когда Февральская революция свергла короля Луи-Филиппа и провозгласила Вторую республику, сменившуюся в декабре 1852 года Второй империей Наполеона III, которая бесславно окончилась после поражения при Седане во Франко-прусской войне в сентябре 1870 года, и была провозглашена Третья республика, в которую в марте—мае 1871 года вклинилось правление в столице Парижской коммуны. Всякий раз при смене режима одни политические эмблемы уступают место другим: на смену наполеоновским орлам приходят бурбонские лилии, трехцветный флаг сменяется белым, затем опять побеждает трехцветный, а с ним с 1830-х годов начинает соперничать красное знамя. И всякий раз победители оскорбляются зрелищем эмблем побежденной власти, а взор побежденных оскорбляют эмблемы власти-победительницы. Отсюда сопротивление, борьба, тайное или явное преследование неудобных знаков. Но в некоторые периоды политическое иконоборчество обретает не только негативную, но и позитивную направленность. Борьба ведется не только против, но и за — за создание нового, идеального общественного строя, предвестием которого становятся новые политические знаки. Они призваны способствовать обновлению и возрождению жизненного пространства (*régénération*). Так было, например, в короткий период между Февральской революцией 1848 года и началом Второй империи, когда «дерево свободы» принимает облик демократической и республиканской

Голгофы, усваивая таким образом символику — и даже са-
кральность — креста» (с. 101–102).

В Марселе, когда по приказу мэра в ночь на 22 февраля 1851 года убрали с пьедестала гипсовую статую Свободы, «некоторые фанатики, из числа тех, кто насмехается над католическими святынями, набожно подбирали обломки республиканского идола, носили их на груди вместо медальона или вставляли их в рамку, как это делают с портретами или с сувенирами». Мирская реликвия в данном случае сродни сувениру; она воплощает идею и одновременно напоминает о надежде, осуществление которой ожидается в ближайшем будущем. Сходным образом в Сайяне (Дром) в феврале 1850 года в ответ на закрытие демократического кружка местные «красные» сняли статую Свободы с пьедестала и отнесли ее на кладбище, на могилу ее создателя, местного скульптора, устроив некое подобие погребальной церемонии. Они угрожали «вернуть ее назад, лишь только их партия возьмет верх». Изображению Свободы суждено воскресение, как и дереву свободы, чья жизненная сила бессмертна. В Симоре (департамент Жер) к пню, оставшемуся от срубленного дерева свободы, привязывают кусок черной материи со следующей надписью: «Ты надежда, счастье; хорошо, если у тебя еще остались корни, в следующем мае ты расцветешь великолепно» (с. 196–197).

Каждая смена власти и период, следующий за переворотом, имеют свои особенности, в которые Фюрекс пристально всматривается. Но у всех разновидностей политического иконоборчества есть общие черты. Прежде всего, в этой борьбе так или иначе участвуют все французы, независимо от их убеждений. На всяком этапе французской истории в ней активны оба противоположных политических лагеря, и прогрессисты (республиканцы, коммунары), и консерваторы (роялисты, сторонники «партии порядка»). Всякий

знак «оскорбляет» чей-нибудь взор. Роялисты ополчаются на деревья свободы, республиканцы уничтожают огромные кресты, установленные членами католических миссий (и деревья свободы, и миссионерские кресты Фюрекс относит к категории «гражданских семафоров» — знаков, «способных размечать гражданское пространство, сакрализировать его, но также и разделять»). В обоих лагерях сохраняется и вера в магическую силу политических знаков: люди проглатывают кусочки обожаемых изображений или эмблем, с тем чтобы впитать часть их «ауры» и отвести от себя силы зла:

После падения Империи солдаты, верные Наполеону, сжигали его эмблемы — орлов или трехцветные знамена и кокарды, — а затем подсыпали пепел в вино и выпивали эту смесь.

Прошло полтора десятка лет — и сразу после Июльской революции

тот же ритуал оживает в Марселе, на сей раз в рядах «белых». В сентябре 1830 года королевские офицеры, отказавшиеся от обязательного ношения трехцветной кокарды, собрались на корпоративную трапезу, «привязали белый носовой платок к острию шпаги вместо белого флага, воздали ему почести, а затем сожгли, собрали пепел, после чего каждый бросил пригоршню в свой стакан, залил вином и выпил, клянясь хранить верность белому знамени до самой смерти» (с. 206).

Иконоборчества, таким образом, не чуждаются ни «правые», ни «левые»: и те и другие равно готовы «оскорбляться» политическими знаками противоположного лагеря. Но этим дело не ограничивается. Иконоборчество может исходить и «снизу» — от недовольного народа как республиканских (при монархии), так и монархических

(при республике) взглядов, и «сверху» — от правительства, которое, придя к власти, начинает искоренять знаки предыдущего режима и порой доходит в этом рвении до настоящего «иконоборческого террора» (термин Фюрекса), основанного на гиперинтерпретациях и доносах:

В Берге (департамент Нор) лейтенант жандармерии из числа ультраорляистов, Герар д'Увен, кавалер ордена Святого Людовика, открыто жалуется на то, что мэрия сохраняет стенные часы, украшенные орлом. Он, судя по всему, не знает — или делает вид, что не знает? — что на часах изображен Юпитер в виде орла-громовержца, причем изготовлен он еще до Революции и никакого отношения к Наполеону не имеет. Между тем подозрительный знак бросает тень на мэра, который занимает этот пост с 1803 года и, скорее всего, политически неустойчив. <...> Префект, несмотря ни на что, оставил мэра в должности, но знак, также оставшийся на своем месте, продолжает источать угрозу. Не из-за своего изначального, мифологического смысла, а из-за тех значений, которые к нему могут быть «примыслены»: следовательно, он должен быть уничтожен, дабы верность муниципальной власти царствующей династии не вызывала ни малейших сомнений. Итак, подозрительного Юпитера с часов убирают, чтобы он не превратился в аллегорию мэра-флюгера, пережившего множество режимов (с. 280).

Так осуществляется борьба за суверенитет, которая лежит в основе практически любого акта политического иконоборчества: вывешивая над своим окном тот или иной флаг или сажая на площади своей коммуны дерево свободы, частный человек не только оповещает о своих политических взглядах, но и хотя бы на какой-то короткий промежуток времени утверждает в этом месте суверенитет той власти, которую символизирует этот знак. При этом одно и то же явление может в зависимости от инициаторов

и политической ситуации получать совсем разный смысл. Одно дело, когда пришедшие к власти уничтожают изображение бывшего правителя, другое — «мятежное иконоборчество», когда недовольные властью «оскверняют» каким-нибудь «неправильным» знаком памятник правителю нынешнему, например, когда «в руках у статуи Людовика XV в Реймсе в 1829 году обнаруживается веник» (с. 302), третье — когда старую скульптуру снабжают новым политическим знаком ради спасения ее от ярости иконоборцев:

В 1830-м, затем в 1848-м, а затем в 1870–1871 годах многие скульптурные портреты старых королей были спасены от уничтожения сходным способом: им давали в руки флаг, прикрепляли кокарду, надевали на голову фригийский колпак и тем не просто изменяли облик памятников, но доводили ситуацию до абсурда. В 1830 году в Париже восставшие вручают трехцветные флаги статуям Генриха IV на Новом мосту, Людовика XIII на Вогезской площади и Людовика XIV на площади Побед (с. 484).

Такое обращение с памятниками Фюрекс называет заимствованным у Бруно Латура термином «iconoclash» («действие, относительно которого без дополнительных указаний невозможно понять, разрушительно оно или созидательно» — например, когда статую убирают из публичного пространства, для которого она была создана, или укрывают полотном, чтобы ее никто не мог увидеть).

А нередко на ситуацию влияет борьба кланов в той или иной коммуне, уходящая корнями в революцию конца XVIII века, и охота на знаки символически замещает охоту на соперников-конкурентов.

В рассматриваемый в книге период (1814–1871) манифестация политических убеждений происходила прежде всего с помощью изображений; в конце века визуальность

уступила место письменности, на смену изобразительным манифестациям убеждений пришли манифестации словесные (в виде граффити). Этот период в книге только упоминается, но не рассматривается — это уже другая история. Впрочем — хотя об этом Фюрекс не пишет, — в наши дни визуальные политические знаки вновь обрели силу, вполне достойную XIX века; вспомним хотя бы судьбу бело-красно-белого флага в Белоруссии.

«Герои» книги, как уже было сказано, очень внимательны (и даже бдительны) по отношению к визуальным проявлениям политической позиции:

На свадебном балу в Семюре (департамент Кот-д'Ор) в 1818 году брат новобрачной, известный своей ненавистью к Бурбонам, задевает танцора, «слывущего роялистом», городского сборщика косвенных налогов, у которого в петлице красуется белый нарцисс, именуемый «жаннетой». Он «иронически поздравляет его с красотой этого цветка», а затем с презрительным видом вырывает цветок из петлицы и «хвалится тем, что посбивал пыльцу с грубияна, а тот и пикнуть не успел». Другой молодой человек, «ничуть не меньший повеса», согласно полицейскому донесению, идет дальше: он хватает жаннету, обрывает белые лепестки и, оставив только красную сердцевину, гордо вдевает цветок в петлицу: в соответствии с понятным всем присутствующим цветовым кодом королевская эмблема превратилась в наполеоновскую. Поскольку подавляющее большинство танцоров взяло сторону иконоборцев, никто не посмел подать жалобу, и скандальные выходки остались безнаказанными (с. 338–339).

А описывающий все это автор не менее внимательно вглядывается в приводимые им эпизоды и порой в схожих фактах видит проявление разных тенденций. Например, в XIX веке во Франции теологическое тесно переплеталось

с политическим (в особенности в 1824–1830 годах, в царствование Карла X, когда главенствовал так называемый «союз трона и алтаря») — поэтому борьба с миссионерскими крестами и разграбление дворца архиепископа не обязательно означают дехристианизацию (каковая имела место во время Французской революции конца XVIII века). В определенные периоды, борясь с религиозными символами, люди на самом деле борются с позицией государства, которое эту религию поддерживает и с ней «сливается».

Политический контекст объясняет очень многое не только в покушениях на религиозные символы, но и в атаке на те монументы, которые невнимательному наблюдателю могут показаться «просто» парижскими достопримечательностями. Казалось бы, снос Вандомской колонны при Парижской коммуне — варварство, «вандализм». Но если вспомнить, что для парижан мая 1871 года колонна символизировала имперский милитаризм, связанный не только с первым Наполеоном, но и с Наполеоном Третьим, который полгода назад бездарно проиграл войну с пруссаками, — тогда можно представить хотя бы примерно, какую ненависть вызывал этот символ двух империй, и если не простить этот страшный иконоборческий жест, то хотя бы его понять.

Оттенков и нюансов в книге очень много, и я, разумеется, не претендую на их исчерпывающее перечисление. Главное, надеюсь, уже ясно. Книга Фюрекса напоминает тем, кто забыл, и подтверждает тем, кто в этом и так уверен: в политике символы имеют значение. Причем, хотя Фюрекс предпочел ограничить свое исследование родной страной, не только во Франции.

*Вера Мильчина, ведущий научный сотрудник
ИВГИ РГГУ и ШАГИ РАНХиГС*